

Зима и весна

Счастлив, кто смолоду был молод,

Счастлив, кто вовремя созрел.

Пушкин

17 апреля 1875 года. Надсону 12 1/2 лет

Наконец я собрался писать дневник. Прежде всего надобно заметить, что теперь Пасха, четвертый день ее. Пасху я провел совсем не так, как ожидал. Столько удовольствий сразу я и не думал иметь, но не надо торопиться, я буду описывать по порядку. Прежде всего надобно записать в дневник, что до Пасхи я был влюблен в одну барышню, некую Сашу Сазонову. Она мне нравилась, и я ею чуть не бредил, но теперь, ах!

Однако я начинаю бросаться, а надобно описывать, как я и намеревался, по порядку.

Нас распустили в среду на Страстной неделе поста. До субботы ничего особенного не случилось, а в субботу я узнал, что нас, т.е. меня с Васей (Катю думали отправить к Лизавете Васильевне), собираются взять в деревню к Григорию Васильевичу Бардовскому. Впрочем, это не деревня, а поместье в 14 верстах от Луги по Варшавской железной дороге.

На дороге ничего особенного для меня не случилось. В вагоне я все время читал "Войну и мир" графа Толстого, что мне очень понравилось. Ну, этого-то, положим, и прибавлять нечего: "Война и мир" нравится почти всем.

Дом в Берегу чрезвычайно большой и очень изящно украшенный внутри. Видно, что здесь когда-то жил русский боярин на широкую руку. Дом окружает со всех сторон сад, в полуверсте находится лес, в другой стороне, сейчас же за садом, - громадное озеро. Через зимнюю дорогу, ведущую к озеру (через нее зимою ездили), лежит сад соседней усадьбы Каромышевых. Хозяйка усадьбы, Платонида Николаевна, очень умная (как, по крайней мере, мне показалось, и как я слышал от других), приветливая барыня. У ней несколько дочерей и сыновей и, замечательная вещь, все дочери отличаются красотой. Но об этом после, хотя это-то и есть та самая причина, почему я начал писать дневник.

Итак, тетя, дядя, Петр Васильевич, Вася и я приехали в деревню и напились чаю. Я уже сказал, что это было в субботу, т.е. накануне Светлого Воскресенья. В четырех верстах от Алтуфьева Берега (вот не поэтичное название!) находится Черменецкий мужской монастырь. Окрестные жители имеют обыкновение ездить туда на заутреню, и вот и теперь все наши, исключая тети и меня, тети - потому что она очень устала, а меня - потому что нога разболелась, - поехали в монастырь. Я прилег на диване, не раздеваясь, ожидая, когда приедут от заутрени, чтобы разговеться, а тетя совсем разделась и заснула. Правда, и я вздремнул с часика два, но ведь нельзя же без этого, а больше от скуки, чем от желания спать.

Теперь надобно описать, кто были в Берегу те, про кого я говорю "наши". Вся компания состояла из тети, дяди, Петра Васильевича, Григория Васильевича, Анны Арсеньевны, Платониды Николаевны, Александра Арсеньевича, Марьи Арсеньевны, Вани, Васи и меня. В усадьбе Григория Васильевича жили: он сам, Анна Арсеньевна, тетя и дядя, Петр Васильевич, Вася и я, а в той усадьбе - остальные да еще приехавший сосед Петухов. Все должны были разговляться у Григория Васильевича, и был накрыт в столовой большой стол, установленный разными кушаньями для разговения: тут были две пасхи, два кулича, окорок ветчины, телятина, яйца, сыры, селедки и редиска (покушать можно вкусно!). Мне было очень весело, но отчего?

Порядок, порядок!

Наконец наши приехали. Григорий Васильевич подарил нам троим: Васе, Ване и мне по яйцу с сюрпризом. У меня вышел подсвечник, у Васи брошка, а у Вани портмоне. Вся компания села за стол. По одну сторону меня сидел Вася, потом Ваня, по другую - Платонида Николаевна и Марья Арсеньевна. Буду называть ее для краткости Марусей.